
Игорь Бруслов
Купцы Великого Ковчега
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Игорь Бруслов

Купцы Великого Ковчега

«Автор»
2026

Бруслов И. А.

Купцы Великого Ковчега / И. А. Бруслов — «Автор», 2026

2059 год. Человечество столкнулось с пиком топливного кризиса. Технологии есть, но реализовать их в производстве невозможно. Войны за ресурсы, голод и деградация спровоцировали выход на мировую политическую арену цивилизации сверхсуществ, доселе населявших энергетический план реальности (Купцы Великого Ковчега; оскорбительно — квекки).Квекки предложили людям новое сверхтопливо (среда), имеющее неиссякаемый объём и энергетическую ценность ядерной реакции. В обмен на это пришельцы получили контрольный пакет акций всех мировых корпораций и решающий голос в разрешении конфликтов.

© Бруслов И. А., 2026
© Автор, 2026

Игорь Бруслов
Купцы Великого Ковчега

Норен Зарм.

Раад толкнул дверь из своей квартиры — и сразу шагнул в лифт. Не нужно было брести по тёмному коридору, спотыкаясь о мусор и старые доски: кабина была пристроена прямо к его комнате, будто ктото вырезал кусок стены и вставил туда гладкий серебристый проём. Это было странно, но удобно — единственная привилегия этажа, где больше никто не жил.

Он на секунду задержался на пороге, привычным движением коснувшись шершавого края стены рядом с проёмом. Стены здесь держались не на арматуре и бетоне — они держались на памяти. На воспоминаниях об отце, который когдато чинил проводку в этом самом подъезде, на запахе маминых пирогов, давно забытом, но всё ещё будто прячущемся в трещинах штукатурки. И на образе Сеи — её тихий смех, её привычка поправлять прядь волос, когда она волновалась… Всё это было здесь, в этих стенах, как невидимый каркас, который не давал дому рухнуть.

Раад не любил общество людей — не потому, что презирал их, а потому, что слишком сильно по ним тосковал. Те, кто остался в городе, стали другими: резкими, грубыми, дикими от постоянной усталости и страха. Они смотрели на него так, будто любое проявление мягкости — это слабость, которую можно использовать. Он избегал лишних разговоров, старался не встречаться взглядом в очередях за пайками, не задерживаться у автоматов с водой. Но внутри всё равно ныло от одиночества — от того, как мало осталось тех, с кем можно было бы просто посидеть и помолчать, не боясь, что тебя неправильно поймут.

Внутри лифта пахло озоном и металлом. Капсула мягко качнулась, повинуясь невидимым гравитационным полям, и Раад привычно уставился на панель с цифрами. Он не смотрел в прозрачный бок кабины, где проплывали обшарпанные балконы и пустые окна, — не хотел видеть, как город смотрит на него в ответ.

Маршрут был выверен до метра: поворот у треснувшей арки, потом спуск по узкому рукаву, где вода доходила до щиколоток, потом вниз по короткой лестнице. На ступенях ктото когдато нацарапал старую фразу, полустёртую временем. Юноша не знал, кто её оставил и когда, но каждый раз пробегал по ней взглядом — как будто проверял, держится ли ещё этот город. Держится ли ещё он сам.

Канализация здесь была не просто трубами и коллекторами — она была картой выживания. Тоннели, выложенные старым кирпичом, хранили эхо прежних времён: гдето в кладке ещё угадывались маркировки, нанесенные рабочими сто лет назад, гдето на стыках плит оставались клейма старых заводов. Это был подземный город, параллельный тому, что наверху. И он казался Рааду честнее: здесь не притворялись, что всё в порядке, не вешали яркие экраны с обещаниями лучшего будущего. Здесь просто шли вперёд, стараясь не шуметь.

Раад замер у поворота, где узкий рукав коллектора сужался так, что приходилось идти боком. В темноте впереди что-то шевельнулось — не просто капля или отслоившийся кусок штукатурки, а движение с весом, с намерением. Он не стал включать фонарь: лишний свет здесь был как крик в тишине. Вместо этого он прижался к кирпичной стене, чувствуя ладонью, как холод пробирается сквозь ткань куртки, и прислушался.

Сначала послышалось дыхание — тяжёлое, влажное, будто воздух проходил через рваные лёгкие. Потом царапанье когтей по мокрому бетону: неторопливое, уверенное. Хищник не спешил. Он знал, что добыча никуда не денется. Раад вспомнил, как раньше в старом городском зоопарке смотритель рассказывал ему про повадки волков: «Они не бросаются сразу. Они заставляют тебя поверить, что ты один, а потом делают шаг из темноты». Тогда в этих словах

была почти поэзия — про терпение, про расчёт, про красоту хищной логики. Сейчас от той красоты ничего не осталось. Остались только голод и привычка убивать.

Когда тень скользнула ближе, юноша наконец увидел её очертания: широкая грудь, низко посаженная голова, глаза, в которых отражался тусклый свет далёких фонарей. Это было не то животное, которое он помнил по детству. Не волк и не собака, а что-то, собранное из осколков разных зверей: слишком длинные лапы, слишком острые углы, будто сама эволюция здесь работала не на выживание, а на эффективность убийства.

Раад не шевелился. Он не хотел быть добычей, но и не хотел быть убийцей. И, возможно, зверь это почувствовал. Он ещё раз принюхался, фыркнул, будто разочарованно, и скользнул в темноту, растворившись в тенях так же бесшумно, как и появился.

По дороге он всё думал об этом мгновении — о том, как зверь остановился, будто на секунду увидел в нём не еду, а кого-то, кто тоже просто пытается выжить. И от этого становилось не легче, а как-то тяжелее: потому что теперь он знал, что даже у хищников бывают моменты, когда они не хотят убивать. Просто мир стал таким, где выбора почти не остаётся.

Завод вырастал из земли не как здание — он будто прорастал, сплетая в себе то, что построили люди, и то, что принесли квекки. Снаружи это походило на промышленную громаду из бетона и стальных ферм — привычные каркасы, остатки старой инженерии, будто город пытался удержать здесь хоть каплю прежней логики. Но стоило подойти ближе, и становилось ясно: завод давно перестал быть просто заводом. Сквозь трещины в бетоне проступало чужое. Огромные стеклянные колбы, похожие на гигантские сосуды, тянулись вверх, словно деревья из прозрачного льда. Внутри них медленно перетекала мутная субстанция — инородное топливо, которое квекки называли «средой». В некоторых колбах виднелись тонкие прожилки, напоминающие вены, а в других — тёмные сгустки, пульсирующие в такт невидимому ритму. Эти колбы не были просто ёмкостями: они были частью живого механизма, в котором стекло, металл и органика срослись в единую систему.

Но самым странным были вкрапления живой плоти. Квекки, существа, лишённые телесности, питали извращённое восхищение плотью — они собирали её, сохраняли, встраивали в свои технологии, будто пытаясь понять, как работает материя, которую сами не могли ощутить. То тут, то там в конструкции завода виднелись полупрозрачные мембраны, натянутые между балками, словно гигантские сухожилия. В иных местах плоть была оформлена в виде тонких пластин, покрывающих стыки труб, — они мерцали тусклым перламутровым светом и слегка подрагивали от вибраций установок.

А в центре комплекса, над главным реакторным узлом, висел огромный органический узел, похожий на сросшиеся сердца: он не бился, но в нём чувствовалось присутствие — будто сама машина дышала.

Раад знал: квекки не просто использовали плоть как материал. Они превращали её в интерфейс. Эти мембраны реагировали на колебания среды, эти пластины служили фильтрами, а пульсирующие узлы — регуляторами давления. Для пришельцев плоть была не слабостью, а совершенным инструментом, и они довели её применение до изощрённой точности.

На выходе из коллектора стояли такие же, как он, — рабочие со смены. Они собирались небольшими группами, но в этих группах не было ни разговоров, ни смеха, ни даже обычного ворчания на погоду. Только усталые взгляды, пустые глаза, плечи, согнутые не от ветра, а от привычки быть незаметными.

Кто-то потирал шею, будто пытался стереть с себя ощущение чужого взгляда. Кто-то машинально отряхивал куртку от влаги и пыли, хотя это не помогало: сырость здесь въедалась в ткань, в кожу, в кости. Они были кроткими и покорными не от доброты, а от усталости — от того, что любое сопротивление теперь стоило слишком дорого.

Раад влился в этот поток, стараясь не выделяться. Он знал: здесь нельзя смотреть слишком прямо, нельзя слишком резко двигаться, нельзя показывать, что у тебя есть хоть капля гордости. Гордость тут быстро превращалась в проблему.

Проходная была устроена так, чтобы напоминать о подчинении: низкие арки, узкие коридоры, где люди шли гуськом, и повсюду — камеры, датчики, холодные взгляды наместников чужаков. Эти надсмотрщики не были людьми с завода — они были представителями квекков, их длинной рукой, которая держала город в узде. В их движениях не было суеты, только расчётливая жестокость: они знали, где нажать, где уколоть, где сломать, не оставляя следов.

Среди них, как всегда, был Норен Зарм.

Он стоял у рамки досмотра, чуть расставив ноги, с лёгкой ухмылкой, будто сам воздух здесь принадлежал ему. Его форма сидела идеально, будто она была не униформой, а доспехом. В глазах — скука и азарт одновременно: скука от рутины, азарт от возможности унизить. Норен любил мелкие унижения: заставить человека вывернуть карманы лишний раз, задержать на рамке, пока индикатор пищит без причины, заставить повторить имя, должность, номер пропуска — три раза, медленно, глядя прямо в глаза.

Сегодня он заметил Раада сразу. И, как всегда, его взгляд на секунду задержался чуть дольше, чем нужно. В этом взгляде было и предупреждение, и вызов: «Я здесь. Я помню. И я могу».

Раад шагнул к рамке. Он не опустил глаз, но и не смотрел прямо в лицо Норену — смотрел чуть выше плеча, на датчик над головой. Это был баланс, которому он научился: не покорность, но и не вызов.

Пропуск, — бросил Норен, даже не глядя на экран сканера. Он уже знал, кто перед ним.

Раад приложил карточку. На панели коротко мигнул зелёный.

— Руки на рамку. Развернись.

Раад выполнил всё, что требовали. Его пальцы коснулись холодного металла, ладони легли на шершавые пластины датчиков. Машина тихо загудела, сканируя, проверяя, оценивая.

Норен сделал шаг ближе, будто проверяя, дрогнут ли у Раада плечи.

Что-то ты сегодня тихий, Раад, — протянул он. — Или просто устал? Слышал, в тоннелях опять кто-то пропал. Может, тебе стоит быть осторожнее. Или, может, ты знаешь, где он?

Раад не ответил. Он знал эту игру. Норен не искал правды — он искал реакцию. Любой срыв, любая вспышка гнева были бы поводом. Поводом задержать, оштрафовать, перевести на более опасную линию. А может, и просто поводом сделать так, чтобы следующий спуск в тоннель стал последним.

Всё чисто, — сухо сказал техник у пульта, не поднимая глаз.

Норен на секунду нахмурился, будто сам факт того, что Раад прошёл проверку, был личным оскорблением. Но он не мог ничего сделать. Младый Раад был ценным специалистом — одним из немногих, кто мог работать с инородным топливом без сбоев, кто чувствовал нестабильность среды раньше, чем её показывали датчики. Квекки ценили эту способность, и это было единственным щитом Раада. Щитом тонким, но пока ещё державшимся.

Иди, — буркнул Норен, отворачиваясь, будто потерял интерес. Но Раад знал: это притворство. Норен боялся его. Не потому, что Раад был сильнее или опаснее — а потому, что он знал. Знал, что Норен повинен в смерти Сеи. Знал, как это случилось, какие приказы он отдал, какие протоколы нарушил, чтобы всё выглядело как несчастный случай. И Норен знал, что Раад знает. И этот молчаливый обмен знанием был страшнее любой драки.

……

Раад шёл по цеховому коридору, и с каждым шагом его всё сильнее давило дурное предчувствие — не как тревога от плохой смены, а как холод, ползущий по позвоночнику, будто воздух здесь уже знал, что случится, и просто ждал, когда Раад это поймёт.

Вокруг сплетались металл и живая плоть в противоестественной, тошнотворной гармонии. По стенам тянулись «мясные панели» — рабочие интерфейсы квекков: полупрозрачные пласты живой ткани, натянутые на стальные рамы. В них пульсировали тонкие прожилки, похожие на вены, а местами поверхность была усеяна мелкими, почти незаметными ресничками, которые подрагивали от вибраций цеха. К этим панелям крепились стеклянные перегонные кубы — огромные колбы, внутри которых медленно перетекала мутная субстанция . Некоторые кубы были соединены с панелями тонкими трубками, по которым двигались капли среды, будто кровь по капиллярам. В местах стыков металл был покрыт тонким слоем органики — полупрозрачной плёнкой, которая мерцала тусклым перламутровым светом и слегка подрагивала при каждом гуле установок.

Всё это выглядело не как технология, а как чудовищный организм, собранный из кусков: здесь стекло не защищало, а служило оболочкой; металл не держал конструкцию, а был каркасом для живой ткани; а сама плоть работала как схема, как проводка, как фильтр. И от этого сочетания холодного инженерного расчёта и живой, дышащей мерзости становилось особенно не по себе. Раад уже почти дошёл до своего поста, когда услышал резкие голоса впереди. Он свернул за угол и увидел сцену, от которой у него на секунду остановилось сердце. Девушка лет семнадцати стояла, прижавшись спиной к мясной панели, а двое надсмотрщиков нависали над ней, выкрикивая ругательства. Её запястье было зажато: серебряный медальон, висевший на тонкой цепочке, зацепился за один из живых сенсоров — за выступающий узел на поверхности панели. Сенсор был испорчен: он дёргался, пульсировал неестественно быстро, и по его поверхности расходились тёмные пятна, будто ткань гнила прямо на глазах.

Это серебро! — рявкнул один из надсмотрщиков, тыча пальцем в медальон. — Ты знаешь, что это запрещено? Система на проходных его не видит! Ты специально сломала интерфейс!

Второй уже замахнулся, чтобы ударить её по лицу. В этот миг Раад увидел не просто испуганную девушку. Он увидел свою Сею — ту самую, прежнюю Сею, с её привычкой поправлять прядь волос, когда она волновалась, с её тихим смехом, который теперь жил только в его памяти. Девушка была похожа на неё не чертами, а чем-то неуловимым: тем, как она застыла, будто пыталась стать меньше, незаметнее; тем, как в её глазах мелькнул не столько страх, сколько горькое понимание, что никто не вступится. Не думая, Раад шагнул вперёд и выкрикнул:

— Стойте! Это не она сломала сенсор! Он уже был повреждён!

Надсмотрщики резко повернулись к нему. Тот, что замахнулся, опустил руку и прищурился.

— А, специалист Младый Раад. Решил поиграть в защитника? Может, тебе тоже нравится нарушать правила? Может, у тебя тоже есть что-то запрещённое?

Раад не отступил. Он подошёл ближе, стараясь держаться спокойно, но внутри всё кипело.

— Сенсор вышел из строя ещё до того, как она к нему прикоснулась. Посмотрите на пульсацию — она неритмичная. И пятна некроза уже пошли. Это деградация ткани. Я могу снять медальон, не повредив панель. Дайте мне пять секунд.

Один из надсмотрщиков хмыкнул, но второй, более крупный, сделал шаг к Рааду и с силой толкнул его в грудь.

— Ты здесь не решаешь, что и когда чинить. Ты здесь работаешь. А она нарушила протокол. И будет наказана.

Он снова повернулся к девушке и замахнулся. Тогда Раад сделал то, чего не должен был: он рванулся вперёд, схватил надсмотрщика за руку и резко дёрнул, сбивая удар.

— Нет! — выкрикнул он. — Она не виновата!

В ту же секунду второй надсмотрщик нанёс ему жестокий удар в бок — тяжёлый, рассчитанный, чтобы сбить дыхание. Раад пошатнулся, попытался удержаться, но нога скользнула по влажному полу, покрытому тонкой плёнкой конденсата, смешанного с каплями среды. Он потерял равновесие, взмахнул руками, пытаясь схватиться за что-нибудь, но вокруг была только чужая, живая поверхность — скользкая, пульсирующая, чуждая.

И он упал.

Сначала он ударился плечом о край металлической рамы, а потом рухнул вниз, прямо в одну из открытых ёмкостей с инородной средой. Субстанция была не жидкой, как вода, и не вязкой, как смола, — она была странной, текучей, будто живой. Она сомкнулась над ним, обволакивая, проникая под одежду, в лёгкие, в каждую клетку. Он тонул в ней, чувствуя, как она давит, как заполняет пространство вокруг, как стирает границы между ним и этим чужим веществом. А потом сквозь гул цеха, сквозь крики надсмотрщиков и плеск среды он услышал голос, который не мог принадлежать этому месту:

— Раадушка… любовь моя.

Это был голос Сеи. Тихий, родной, полный нежности и боли. Он звучал не снаружи, а будто прямо в его голове, как воспоминание, ставшее голосом.

…..

Медвежья услуга

Раад выныривал из темноты рывками, будто его дёргали за плечи. Сначала пришло не зрение — оно было мутным, как сквозь запотевшее стекло, — а звук. Низкий, ровный гул, похожий на дыхание огромной машины. Потом добавился запах: стерильный, с горьковатой примесью озона и чего-то металлического.

Он попытался сделать вдох.

И не смог.

Не потому что не хотел — потому что тело не слушалось. Вместо привычного усилия в груди он почувствовал, как где-то глубоко внутри щёлкнуло, потянуло, и воздух вошёл сам — не через горло, а будто сквозь рёбра, сквозь кожу, по невидимым каналам. Это было неестественно, холодно и страшно.

«Не дышит…» — прозвучало над ним. Голос был усталый, равнодушный, будто говорили о сломанном механизме.

«…среда попала в дыхательные. Лёгкие не спасти. И голосовые связки — там вообще каша. Если повезёт, останется только артикуляция, но и то вряд ли».

«Шахтёрское лёгкое» уже стоит. Система магнитов стабилизирована. Главное, чтобы не было отторжения носителя. А голос… ну, речевой транслятор мы поставили. Монотонный, да. Но разборчиво».

Раад хотел закричать. Хотел сказать: «Что вы со мной сделали?!» — но вместо крика из горла вырвался сухой щелчок, похожий на треск разряженного аккумулятора. Он попробовал снова, уже тише, почти шёпотом: «Где я…»

Но и шёпота не получилось.

Вместо этого из груди, из области ключиц, раздался ровный, механический голос — будто кто-то включил запись:

«Где я?»

Монотонно. Без интонации. Без жизни.

Раад замер. Он не узнавал этот голос. Он был его, но чужой. Как если бы кто-то украл его речь и заменил её на безликий текст.

Один из санхоз-сотрудников — в сером комбинезоне, с нашивкой завода и тусклым бейджем — наклонился к нему. Лицо скрывала прозрачная маска.

«Очнулся. Это хорошо. Значит, система держится».

Раад снова попытался что-то сказать. На этот раз он не стал произносить слова — он просто хотел почувствовать, как двигается язык, как смыкаются губы, как рождается звук. Но тело отвечало не ему. Оно отвечало машине.

«Что… со мной?» — прозвучало из транслятора. Всё так же ровно. Без дрожи. Без страха. Хотя страх был. Он разрывал его изнутри.

Санхоз-сотрудник чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к чему-то ещё.

«Среда тебя достала. Ты упал в неё. Дальше ты не помнишь. Мы вытащили. Но дышать сам ты больше не сможешь. И говорить… ну, как видишь, теперь это делает за тебя техника. Ты жив. Это главное. По крайней мере, по заводским меркам».

Раад закрыл глаза. В темноте было легче. Там не было этого голоса, не было этих слов. Но когда он снова открыл их, реальность никуда не исчезла. Он лежал в тесном медицинском блоке завода, среди гудящих аппаратов, под взглядами людей, для которых он теперь был не человеком, а объектом с повреждениями, подлежащими ремонту.

И самое страшное было не в том, что он не мог дышать. И даже не в том, что его голос теперь принадлежал машине. Самое страшное было в том, что он вдруг понял: он не знал, хочет ли он вообще оставаться живым в этом новом теле.

Раад замолчал. Перестал дёргаться, перестал пытаться выжать из себя хоть слово. Он просто лежал, глядя в ровный, безжизненный потолок, и будто проваливался внутрь себя — туда, где ещё было что-то настоящее, не прошитое проводами и не продиктованное магнитами.

А над ним, будто в другом мире, продолжали звучать голоса санхоз-сотрудников — спокойные, будничные, до ужаса равнодушные.

«Ну, система держится. Ещё пару циклов — и можно на обслуживание. Главное, чтобы магниты не поплыли…»

«Да тут каждый второй теперь с шахтёрским лёгким. Как конвейер. Только успевай ставить…»

«И ведь ещё повезёт, если без осложнений. А то знаешь, сколько их потом просто списывают? Не выдерживают…»

Один из них хмыкнул:

«А девчонке его, наверное, совсем невесело. Ну, кому нужен такой… материал. С машиной вместо голоса. Да и вообще…»

Слова ударили не как звук — они ударили как ток. Прошли сквозь рёбра, мимо искусственных фильтров, мимо магнитных контуров, прямо в то, что ещё оставалось живым.

И тут память хлынула, как прорванная плотина.

Раад вспомнил.

Вспомнил, как бежала она — тонкая, быстрая, с расстёгнутым воротником защитного костюма, будто пыталась вырваться не только из коридора, но и из самой этой реальности. Вспомнил, как она кричала: «Не смотри! Не смотри туда!» — и как он не послушал. Как шагнул следом, в тот самый проём, где воздух уже был не воздухом, а чем-то густым, маслянистым, живым.

Он вспомнил, что видел: как «среда» текла по стенам, будто искала щели, как она пульсировала в такт далёкому, глухому ритму завода. И главное — что слышал.

Тот голос. Низкий, чужой, будто исходящий из самих стен. Голос Норена: «Пусть падают. Пусть сгорают. Главное — чтобы топливо шло».

И вот теперь эти люди над ним говорили о нём как о материале. Как о чём-то, что нужно обслужить, проверить, списать. Как будто всё, что было до этого — её крик, его шаг, его выбор, — ничего не стоило.

Внутри что-то щёлкнуло. Не механизм. Что-то древнее, горячее, живое.

Раад не закричал — он взорвался.

Не голосом. Не транслятором. Ни тем хрипом, который остался от его горла, ни той ровной, мёртвой интонацией машины. Это был крик изнутри, из самой глубины, из того места, где ещё жила его воля.

Психический импульс ударил, как ударная волна.

Стеклянные панели над койкой треснули и осыпались градом осколков. Аппараты, гудевшие вокруг, один за другим погасли, экраны мигнули и почернели. Санхоз-сотрудники отлетели, будто их швырнуло невидимой рукой, — кто-то врезался в стену, кто-то рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть.

Волна шла дальше.

Она рвала провода, срывала панели, гнула металлические балки. Медблок трещал, как картонная коробка под сапогом. Стены дрожали. Завод стонал.

Сквозь этот грохот, сквозь треск искр и скрежет сминаемого металла, Раад выкрикнул её имя. Не монотонно, не механически. Его голос сейчас был не в связках — он был в ярости, в памяти, в боли.

— СЕЯ!

Имя прозвучало не из горла — оно вырвалось из груди, из самого сердца, и пронеслось сквозь рушащийся цех, сквозь гул двигателей, сквозь шёпот «среды», будто пробивая себе путь силой одной только любви и ненависти.

Завод содрогнулся в последний раз и замер. Где-то далеко, в глубине комплекса, что-то взорвалось с глухим, тяжёлым грохотом. И наступила тишина — странная, звенящая, будто мир затаил дыхание.

Раад поднялся. Он стоял посреди развалин медблока, среди обломков, искр и тишины. Его тело держалось на чём-то большем, чем магниты и синтетика. На гневе. На памяти. На обещании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.